

Круковский Михаил Антонович

По родному Северу

Рассказы по родиноведению

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Антонович К.**
По родному Северу: Рассказы по родиноведению / Круковский Михаил Антонович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 198 с.

ISBN 978-5-519-91289-1

Содержание. В тростниках; За дорогим зерном; В плену у волн; Грунях-почтальон; На барках 1 Пожар на барке 2 Зимовка на барках 3 По рекам и каналам 4 На плотях; На маяке

ISBN 978-5-519-91289-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— А что, съ медвѣдемъ мы не встрѣтимся?

Старикъ такъ оторопѣлъ отъ такого вопроса, что возвратился домой. Онъ былъ увѣренъ, что охота все равно не будетъ удачна.

И теперь, глядя на неспокойное лицо старика, я понялъ, что если бѣ не крайняя нужда въ продуктахъ, онъ съ удовольствіемъ повернулъ бы назадъ. Моя излишняя болтовня убила въ немъ вѣру въ благополучный исходъ поѣздки; и я рѣшилъ во что бы то ни стало успокоить добраго старика и отвлечь его отъ дурныхъ мыслей.

— А что, дѣдушка, часто ты ѣздишь въ село?—спросилъ я.

— Въ село рѣдко ѣзжу... не каждый годъ... а на озерѣ часто бываю,—отвѣчалъ старикъ.—Рыбы тамъ больше, чѣмъ въ рѣкѣ, и крупная такая попадаетъ... Опять же, дичи столько, что хоть руками бери. Набьешь по осени гусей этихъ самыхъ, утокъ, чирковъ столько, что на всю зиму хватитъ. Сидишь себѣ въ зимовьѣ и ѣшь птицу, да еще пріѣзжихъ угостишь.

— Что же ты коптишь ее?

— Нѣ... Не умѣю коптить я. А просто посолишь въ кадкѣ, она и держится всю зиму.

— II рыбу также?

— Рыбу, которую не успѣлъ завялить, тоже посолишь.

— Копченая вкуснѣе, дѣдушка. Погоди: я тебя научу коптить и рыбу и птицу. Ну, а если хлѣбъ выйдеть, соль тоже, огонь? Какъ тогда? Вѣдь надо же ѣхать въ село.

— Да, лѣтомъ-то никто не привезетъ. Хоть умри, никто не узнаетъ. А зимой, какъ замерзнетъ рѣка, такъ по ней, по открытой санной дорогѣ и потянутся обозы съ товаромъ. Обогрѣться ли надо или отдохнуть—всякъ завернетъ въ зимовье: на то оно и есть. Вотъ, тогда и запасайся всякимъ товаромъ. Шкурки они берутъ у меня, бѣличьи, лисьи да медвѣжьи, если есть, а за это, да за постой и угощеніе оста-

вать всякаго товара столько, что на круглый годъ хватить.

— А какъ же теперь не хватило-то?

— Да зима зимѣ розъ. Въ прошлую зиму мало обозовъ прїѣзжало, и запасы мои поэтому невелики были. Опять же: живу я всегда одинъ, а тутъ съ тобой вдвоемъ живемъ лѣто... а на двухъ больше надо запасовъ. Одинъ я иной день и забуду поѣсть, а вдвоемъ не забудешь.

— А не скучно тебѣ здѣсь жить одному?

— Чего скучно. Хорошо тутъ жить. Тихо, смирно, никто не замутить... Привыкъ я къ тайгѣ какъ къ родной маткѣ, люблю я ее, и она меня любитъ. Всякое добро даритъ она: и здоровье, и пищу, и шкуру звѣря, и дрова... Поить, кормить и согрѣваетъ меня. И рѣка-кормилица тутъ же; тоже благодѣтельница моя. Нѣтъ, въ тайгѣ не скучно. Къ ней надо привыкнуть какъ къ живому человѣку. А вѣрно твое слово: сначала и я скучалъ.

— А ты давно ль живешь здѣсь, дѣдушка? Какъ сюда попалъ-то?

— Лѣтъ тридцать, поди, живу здѣсь. И первый-то въ лѣтнее время ты забрался сюда въ мою глушь. А какъ я сюда, въ эту пустынь, попалъ, это я тебѣ разскажу. Одинъ я, видишь ты, на свѣтѣ; одинъ-одинешенекъ. Ни отца, ни матери, ни родни... Былъ только одинъ сродственникъ — купецъ въ городѣ; и служилъ я у него работникомъ. И ѣздилъ онъ вотъ по этой самой рѣкѣ зимнимъ путемъ далеко на полночь, въ глухія села; товары туда всякіе возилъ: хлѣбъ, соль, порохъ, спички и всякую всячину; обмѣнивалъ эти товары на звѣриныя шкуры, на всякую пушнину, которую потомъ въ городахъ съ лихвой продавалъ. А я у него съ обозомъ ходилъ. И всегда, какъ дойдемъ до этого мѣста, такъ хотъ умирай. Потому перегонъ большой: отъ одного жилья до другого верстѣ, поди, сто будетъ; и люди и лошади выбьются изъ силъ, окоченѣютъ, а притулиться, отдохнуть негдѣ. А какъ подымется вьюга, такъ

просто и дѣться некуда. Проклинали мы всегда этотъ перегонъ. Вотъ и случилась въ одну зиму такая исторія. Шли мы съ обозомъ этимъ мѣстомъ уже второй день. Морозъ крѣпнеть, всѣ застыли, лошади едва плетутся, и насъ ноги не держатъ. Къ вечеру поднялась вьюга, такая, что и не приведи Богъ. Въ двухъ шагахъ не видать ничего. Дорогу замело, лошади стали останавливаться. Остановился обозъ разъ, другой, третій... „Что дѣлать?“ спрашиваемъ хозяина. Думали-думали и рѣшили заночевать здѣсь, на рѣкѣ, въ снѣгу. Авось, молъ, къ вечеру вьюга уймется. Закрыли мы лошадей брезентами, привязали имъ мѣшки съ овсомъ къ мордамъ, а сами тоже забрались подъ брезентъ, сидимъ тутъ же у лошадиного брюха, ни живы ни мертвы сидимъ. „Хоть бы кто догадался построить зимовье на этомъ проклятомъ мѣстѣ“, сказалъ хозяинъ. И такъ-то съ этихъ словъ захотѣлось попасть въ теплое зимовье!.. Чайку бы горячаго испить, отогрѣть кости, поспать да лошадамъ дать отдыхъ... Только раздражили насъ эти самыя слова, потому: до зимовья далеко, а холодъ такъ и донимаетъ, а вѣтеръ такъ и свищетъ... Провели мы такъ всю ночь; ужъ не знаю, какъ и живы остались. Къ утру вьюга унялась. Уже здорово ободняло. Повылѣзли мы изъ-подъ брезентовъ, а одинъ обозный какъ лежалъ, такъ и лежитъ; и вставать не хочетъ. „Чего, — говоримъ, — лежишь! Вставай!“ А онъ все лежитъ. Начали толкать его, а онъ уже и заледенѣлъ весь. Измаялся, стало-быть, заснулъ крѣпко и застылъ. Взыли мы отъ такой бѣды, взвалили мертвое тѣло на сани и поѣхали дальше. Хозяинъ очень убивался. „Живъ не буду, — говоритъ, — а построю на этомъ проклятомъ мѣстѣ зимовье“. Съ трудомъ выбились мы изъ снѣговъ, и только въ слѣдующую ночь пришли въ то село, куда и сейчасъ за провизіей ѣдемъ. Вотъ какое дѣло было, дѣтка! Страшное дѣло! До сихъ поръ помню я эту страшную ночь, сейчасъ вижу все какъ на ладони... А когда послѣ Срѣтенья мы поѣхали въ обратную путь, хо-

зяинъ мнѣ и говорить: „Архипушка, не хочешь ли ты быть зимовщикомъ?“ Я было оторопѣлъ. Какой де изъ меня зимовщикъ? Не знаю я этого дѣла... опять же, пустынь кругомъ, дикое мѣсто, звѣря много, а поблизости ни души человѣческой. „Ничего,—говорить хозяинъ,—живутъ же зимовщики на божьемъ свѣтѣ, и не гибнуть. Тебѣ, — говоритъ, — уже полсотни лѣтъ, работать тебѣ трудно, съ обозами ходить тебѣ тоже тяжело, а тутъ никакой тебѣ заботы не будетъ. Тихо, спокойно. Примешь ты зимой обозъ,—всякій крещеный и не крещеный спасибо тебѣ душевное, божеское скажетъ, а сытъ ты будешь отъ меня на всю жизнь. Такой зарокъ даю“. Подумаль я день, думаль другой, а потомъ и говорю: „Согласенъ, хозяинушко, давай строить избу“. Расцѣловаль онъ меня даже на радости. И какъ пріѣхали мы къ этому мѣсту, сейчасъ же—сколько насъ было народу,—давай рубить лѣсъ. Извѣстно, лѣтомъ въ эти мѣста не пробратъся, надо было дѣло дѣлать сразу. Нарубили сколько надо было лѣсу, натаскали его въ одно мѣсто, построили крѣпкій шалапъ изъ хвой, и вся артель уѣхала. Остались лишь двое: я, да еще одинъ работникъ. На прощаньи хозяинъ оставилъ мнѣ ружье, порохъ и дробь и всякой провизіи до самаго лѣта.

— Живите здѣсь съ Богомъ, стройтесь; а постройтесь, пріѣзжайте на плоту внизъ по рѣкѣ домой: буду ждать васъ!—сказаль хозяинъ и уѣхаль. Сначала страшновато и нелегко показалось намъ. Словно въ дикую пустынь на край свѣта попали, а черезъ нѣсколько дней свыклись. Начали рубить срубъ, заготовлять жердье да топливо, и не замѣтили, какъ проходили дни. Ходили по тайгѣ за дичью, въ шалапъ своемъ разводили огонь, кипятили чай, варили похлебку... такъ и прожили до весны. А какъ согнало снѣгъ, мы принялись за постройку. Установили срубъ какъ слѣдуетъ быть, обомшили его, полы и потолки сдѣлали изъ жердья, крышу изъ хвороста, а печку склали изъ кирпича-сырца. И кирпичъ-то мы сами изготовили изъ прибрежной глины. Плетенку изъ

хвороста, въ какой ты спишь, тоже сдѣлали, чтобы было куда лошадей отъ непогоды укрыть. Только окна и двери осталось сдѣлать, да не было подходящаго матеріала и инструмента. А какъ кончили постройку зимовья, да сдѣлали всякое приготовленіе на зиму, такъ сейчасъ же сшили плотъ, и айда по рѣкѣ внизъ. Черезъ три недѣли пріѣхали къ хозяину, говоримъ: такъ и такъ, зимовье готово, милости просимъ, хозяинушко. Обрадовался хозяинъ, угостилъ насъ, гостинцевъ подарилъ изъ одежды. А какъ настала зима, мы и поѣхали снова съ обозомъ. Цѣлый возъ шелъ сзади со всякой заготовкой для меня. Провизія всякая, одежда, порохъ, инструменты, сѣть рыболовная,—всего захватили. Даже оконныя рамы и двери готовыя везли съ собой. Вотъ пріѣхали мы, обледенѣлые, сморенные, къ своему зимовью,—смотримъ: стоитъ изба съ заколоченными окнами, какъ и оставили ее, а кругомъ снѣгъ и снѣгъ. Вошли мы въ зимовье, развели огонь,—дрова-то вѣдь у меня были еще весной заготовлены, въ печку положены: поднесъ спичку къ берестѣ, и задымилъ;—кое-какъ приладили на скорую руку рамы да двери, и давай хозяйничать. Коней укрыли подъ навѣсъ, а тамъ у насъ полъ мхомъ былъ выстланъ: тепло животинкамъ стоять-то. Нагрѣли кое-какъ избу, вскипятили чай, сварили щи съ мясомъ и сѣли за ужинъ. И такъ-то у всѣхъ на душѣ весело, тепло стало! Словно въ родную избу влѣзли, словно у себя на полатахъ сидимъ!.. На другой день обозъ уѣхалъ дальше, а я остался одинъ. Принялся я устраивать по-настоящему свое жильё, закупорилъ всѣ дыры, приладилъ окна и двери, и стало у меня въ избѣ тепло и свѣтло, какъ въ раю. И когда черезъ мѣсяцъ обозъ обратнымъ путемъ заѣхалъ въ мое зимовье, у меня уже было настоящее, теплое жильё, и принялъ я ихъ какъ дорогихъ гостей. Съ тѣхъ поръ живу я въ своемъ жильѣ вотъ уже тридцать лѣтъ. Сначала скучно было, особенно зимой. Волки пугали, медвѣдь нерѣдко подходилъ... а потомъ ко всему привыкъ. Хозяинъ ѣздилъ

съ обозомъ изъ года въ годъ, привозилъ всякое довольствіе, даже собаку и курочекъ привезъ... я ему всю пушнину сдавалъ, какая у меня набиралась. За нашими обозами стали останавливаться у меня и другіе, и всё рады теплу и пріюту. Потомъ умеръ мой хозяинъ,—царство ему небесное,—а все равно обозы водятъ его сродственники; они и привозятъ мнѣ всякую провизію. Да и другіе обозники тоже харчатъ меня. Такъ вотъ, слава Богу, и живу.

Я съ интересомъ слушалъ рассказъ старика. Вотъ какимъ образомъ, думалось мнѣ, устраиваются эти, разбѣянные по пустыннымъ пространствамъ сѣвера, маленькія зимовья, эти этапы или станціи, служащія для дѣла промышленности нашего далекаго сѣвера. Перебираясь отъ зимовья къ зимовью, обозы доходятъ до самыхъ глухихъ мѣстъ, несутъ туда дары цивилизаціи, а оттуда вывозятъ тѣ дорогіе мѣха, которые мы видимъ выставленными въ ярко освѣщенныхъ электричествомъ окнахъ столичныхъ магазиновъ. Всякій проѣзжіи, странствующій человекъ находитъ въ жалкомъ, заброшенномъ зимовьѣ, какъ въ таежной гостиницѣ, пріютъ и горячую пищу... Да, великое дѣло дѣлалъ этотъ маленький, невзрачный, добродушный старичокъ. Онъ несъ на своемъ посту пужную для людей службу.

За разговорами мы и не замѣтили, какъ проплыли по рѣкѣ верстѣ болѣе пяти и приблизились къ устью небольшой рѣчки. Оно было скрыто нависшими кустами и вѣтвями лѣса, и подъ навѣсомъ ихъ мы вплыли въ рѣчку. Она была не широка. Весла едва не доставали береговъ, и надо было все время держаться середины. Теченіе было тихое, едва замѣтное, а мой шестъ все время доставалъ дно, такъ что лодка просто мчалась. Подъ носомъ ея бурлила вода. Красива была эта невѣдомая, таежная рѣчка. Склоны деревьевъ все время нависали надъ ней съ обоихъ береговъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вѣтки доставали другъ друга, переплетались, смѣшивались и образовали такой густой сводъ надъ нашими головами, что

не было видно ни клочка неба. Утреннее солнце напрасно старалось заглянуть въ этотъ глубокий ровъ; оно играло гдѣ-то высоко на верхушкахъ и отдѣльныхъ вѣткахъ деревьевъ, но дальше его не пускали могучія стѣны лѣса. Внизу на рѣкѣ, по которой мчалась наша лодка, были полумракъ и прохлада. Впереди видѣнъ былъ узкій, полутемный проходъ, который при крутыхъ изгибахъ рѣки кончался какимъ-нибудь кустомъ. Казалось, тутъ рѣчкѣ и конецъ; но это только казалось,—потому что, достигнувъ предполагаемаго конца рѣки, мы видѣли крутой поворотъ ея вправо или влево, и передъ нами снова открывался тотъ же узкій, полутемный проходъ. Извиваясь, рѣчка заманивала насъ все дальше и дальше, въ какую-то невѣдомую глушь. Изрѣдка прибрежныя деревья уступали мѣсто пышной травянистой поросли, и много замѣтилъ я здѣсь интересныхъ для меня растеній, выросшихъ въ особенныхъ условіяхъ вѣчной прохлады и полутьмы. Я рѣшилъ непременно побывать здѣсь въ другой разъ.

Прошло часа два нашего плаванія по таинственной рѣчкѣ, и я замѣтилъ, что тайга начинаетъ рѣдѣть. Стѣна ея стала пропускать впереди сильный дневной свѣтъ, деревья рѣдѣли и перемѣшивались съ кустарникомъ. Вскорѣ деревья совсѣмъ отошли отъ низкихъ береговъ рѣки и стали вдали одиночками, а кустарникъ бархатистой каймой закруглил берега. Потомъ онъ перемѣшался съ высокой жесткой травой—тростникомъ, росшимъ тутъ же изъ воды, и чѣмъ дальше мы ѣхали, тѣмъ его становилось больше и больше.

— Въѣзжаемъ въ озеро, дѣтка,—сказалъ Архипъ.

Послѣднія одиночныя деревья остались далеко позади; вскорѣ исчезли и кусты: ихъ скрылъ тростникъ; мы ѣхали межъ двухъ стѣнъ высокой тросты, изъ-за которой ничего не было видно. Солнце залило поверхность рѣки, но сѣрые тростники были скучно-безжизненны. Только съ одной стороны, откуда бросало свои косые лучи утреннее солнце, на воду легла и оживила ее узкая полоска тѣни. Прошло еще пол-

часа, и эта скучно-однообразная картина уже начала утомлять.

— Когда же будетъ озеро?—спросилъ я.

— Да мы давно уже въ озерѣ,—отвѣтилъ Архипъ.

— Какъ! Это озеро!..—А я ожидалъ увидѣть широкую поверхность воды, залитую солнцемъ, широкій просторъ, котораго въ тайгѣ такъ долго не видалъ. Я былъ разочарованъ.

— Этой самой тросты здѣсь видимо-невидимо,—сказалъ старикъ.—Вдоль береговъ она тянется на десятки верстъ, а чтобъ выбратъся на средину озера, тоже не-мало надо помучиться. Погоди, дѣтка, не то еще будетъ.

Дѣйствительно, вскорѣ я увидѣлъ нѣчто необычайное. Воображаемая рѣка, по которой мы плыли, вдругъ начала суживаться, тростникъ подступалъ съ обѣихъ сторонъ все ближе и ближе... Вотъ уже весла задѣваютъ его; нѣкоторые стебли уже ломаются подъ напоромъ весла и, падая, задѣваютъ меня... Вдругъ рѣка совсѣмъ пропала. Передъ нами былъ узкій малозамѣтный проходъ, который уходилъ куда-то вглубь, словно тропинка въ непроходимомъ, дремучемъ лѣсу.

— Вотъ этимъ тѣропомъ мы и поѣдемъ,—сказалъ Архипъ.—Да только ухо тутъ надо остро держать, потому что много тутъ такихъ тороповъ пойдетъ, и вправо, и влѣво, и прямо.

— Да мы тутъ заблудимся!—воскликнулъ я, необдумавъ свои слова.

— Что ты, что ты!.. Чуръ насъ, чуръ!.. Прости и помилуй, Господи!.. Экое ты слово опять сказалъ, дѣтка!—говорилъ встревоженный Архипъ.—Ужъ лучше бы молчать, чѣмъ не въ пору молвить. Садись-ка на мое мѣсто, я сяду на твое, чтобы видѣть путь-то...

Я понялъ, что опять необдуманно проговорился и ввелъ старика въ суевѣрный страхъ; Архипъ даже поблѣднѣлъ; но напряженное вниманіе, съ какимъ онъ всматривался въ тросту, отвлекло его отъ суевѣрныхъ мыслей.

„Чего онъ всматривается, что особенное видитъ онъ въ этомъ однообразномъ тростникѣ?“ думалось мнѣ. Тщетно разглядывалъ я тростникъ, и ничего не замѣчалъ: все одно и то же, все тотъ же узкій проходъ въ мрачно-сѣромъ, неподвижномъ тростникѣ. А старикъ, несомнѣнно, что-то видитъ и знаетъ. Вотъ дорожка раздвоилась; куда плыть: налѣво или направо? Старикъ увѣренно повернулъ направо. Но вотъ опять раздвоеніе,—и старикъ снова беретъ направо. „Почему не налѣво?“ думалось мнѣ. Вдругъ нашу дорожку пересѣкла другая. Попятно, казалось мнѣ, мы должны ѣхать тѣмъ же прямымъ путемъ; но старикъ повернулъ душегубку налѣво. Я окончательно сбился съ толку и пересталъ соображать. Этотъ переплетенный лабиринтъ узкихъ, едва замѣтныхъ проходовъ былъ для меня совершенно непонятенъ; но я чувствовалъ, что старикъ знаетъ, куда поплыветъ и выберется изъ этого лабиринта,—и я былъ спокоенъ.

На одномъ изъ поворотовъ въ тростникѣ вдругъ послышался отчаянный шумъ и крики птицъ. Быстро оглянувшись, я увидѣлъ цѣлый выводокъ дикихъ утокъ и моментально схватился за ружье.

— Не тронь,—остановилъ меня Архипъ.—Это выводокъ. Молоды еще. Зачѣмъ бить Божьихъ птенчиковъ-малолѣтокъ. Найдемъ крупную птицу: довольно здѣсь этого добра. Осенью пострѣляемъ.

Дѣйствительно, чѣмъ дальше мы ѣхали, тѣмъ птицы становилось больше. Видно было, что жить ей здѣсь—одно раздолье. Я то и дѣло видѣлъ здѣсь дикихъ гусей, утокъ и еще какихъ-то водяныхъ птицъ. Онѣ близко подпускали насъ и затѣмъ съ оглушительнымъ крикомъ и гамомъ скрывались въ густомъ тростникѣ. Такимъ образомъ, тростникъ не былъ такимъ безжизненнымъ, какъ казалось: онъ былъ густо населенъ птичьимъ царствомъ; а сколько рыбъ плавало около его корней! Тамъ и сямъ носились шаловливыя стрекозы, а міріады комаровъ иной разъ просто затемняли и безъ того затѣненную воду. Они проносились въ безконечной пляскѣ, „толкли жито“,

то надоѣдливо залѣзали въ уши, въ носъ, въ ротъ, пили кровь на шеѣ и рукахъ. Да, въ мертвомъ тростникѣ была своя жизнь.

— Скоро ли выѣдемъ въ озеро?—спросилъ я старика, предварительно обдумавъ свои слова,—не содержать ли они чего-нибудь такого, чего не въ пору нельзя говорить.

— Скоро, дѣтка, скоро,—отвѣтилъ онъ.—Проѣдемъ этимъ торопомъ малость, потомъ свернемъ направо, тамъ маленько правѣе,—и озеро.

Я почувствовалъ облегченіе. Наконецъ-то выберемся изъ этихъ скучныхъ рвовъ! Кусочекъ неба надъ головой, тѣснящія стѣны тростника, поднимающія выше роста человѣческаго, закрывающія горизонтъ,—все это наводило сильную скуку. Главное, я не могъ работать здѣсь своимъ шестомъ и сидѣлъ въ полнѣйшемъ бездѣйствіи, которое всегда утомляетъ больше всякой, самой тяжелой работы. И когда вдругъ совершенно неожиданно, сдѣлавъ крутой поворотъ, лодка изъ густого тростника вышла въ открытое озеро, я вскрикнулъ отъ радости. Потому что было на что посмотреть. Впереди разстилался широкій просторъ воды, залитой солнцемъ; громадная масса воздуха и свѣта наполнили, казалось, весь міръ; вдали едва мелькалъ противоположный берегъ, а возлѣ насъ, направо и направо стройными рядами уходили вдаль и сливались съ горизонтомъ могучія поля тростника. Архипъ тоже повеселѣлъ и, глядя на меня, улыбался блаженной, счастливой улыбкой.

— Вотъ мы и въ озерѣ,—говорилъ онъ.—Благодарить-то какая! Словно изъ лѣса на проѣзжую дорогу выбрались. А теперь, дѣтка, скорѣе давай сѣточку закинемъ, и потомъ—айда на тотъ берегъ.

Проплывъ немного вдоль тростниковъ, Архипъ выбралъ заливчикъ, самый рыбный, какъ онъ увѣрялъ, вторнулъ глубоко въ дно длинный шестъ и повелъ отъ него сѣть. Другой конецъ сѣти онъ прикрѣпилъ ко дну камнемъ, какъ якоремъ. Послѣ этого онъ перекрестился, сѣлъ на весла, взмахнулъ ими, и мы поплыли.